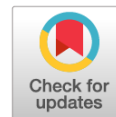

Легитимация права эстетическими средствами

Глухарева Л. И.,

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой теории права и сравнительного правоведения
Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)
E-mail: 2506646@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается процедура легитимации права, осуществляемая эстетическими средствами, в частности, таким направлением искусства, как живопись. Легитимация понимается как оправдание, обоснование и поддержка права. Утверждается, что эстетическая легитимация права оказывается возможной, поскольку последнее, понятое в качестве регулятора поведения, обладает внешней формой. Эстетические оценки же с позиции красоты или низменности воплощения в реальности возможны в отношении всех объектов, наделенных объективированной формой. Искусство способно легитимировать право благодаря механизмам формирования «признающего сознания», а также действию очищающей (катарсической) функции. В статье утверждается, что основным средством эстетической легитимации права выступает художественный образ, который обладает рядом особенностей, значимых с точки зрения исследуемой проблемы. В статье перечисляются некоторые черты и признаки художественного образа, которые иллюстрируются ссылками на картины и литографии наиболее известных художников. Психологический процесс, описывающий процедуру легитимации права, представлен схемой, в которой акцентированы следующие этапы воздействия художественного образа на сферу бессознательного, предсознания и сознания людей: производство впечатления — воздействие на воображение — рождение переживания — формирование эмоционального отклика. Такой механизм передачи зрителям взглядов, представлений, отношений, чувств художников относительно правовой действительности с легкой руки Л.Н. Толстого именуется «заражением». Далее перечисляются некоторые недостатки эстетической легитимации права. В заключение делается вывод о том, что процедура легитимации права эстетическими средствами делает ставку главным образом на эмоционально-чувственный компонент человеческого сознания, другие же формы легитимации (например, юридическая) активизируют преимущественно когнитивно-интеллектуальные механизмы.

Ключевые слова: легитимация права, эстетические средства легитимации права, «признающее сознание», катарсическая функция, художественный образ, психологический процесс легитимации права, впечатление, воображение, переживание, эмоциональный отклик, эмоционально-чувственный и когнитивно-интеллектуальный механизмы легитимации.

Не будет преувеличением сказать, что в деле признания и утверждения высокой идеи права и развенчания разных уродств юридической действительности активную позицию всегда занимало и продолжает занимать искусство — художественная литература, живопись, графика, скульптура, музыка, которые способны легитимировать право благодаря, во-первых, своим механизмам формирования «признающего сознания», во-вторых, действию очищающей (катарсической) функции.

Легитимация (оправдание, обоснование и поддержка) права посредством эстетических средств оказывается возможной, поскольку понятое в качестве регулятора поведения, оно обладает внешними формами выражения. А как и любые объекты, наделенные объективированной формой, право подвержено эстетическим оценкам — с позиции красоты

или низменности воплощения в реальности. Суждения об эстетических качествах права и его элементов, взятые в единстве своих форм и содержания, складываются на основе представлений о мере, простоте, правильности, симметрии, гармонии, порядке и других показателях, составляющих эстетические характеристики. Надо заметить, что такого рода оценки есть не просто какие-то, по выражению А.Ю. Дорского, «украшения»¹ права, но фундаментальные ориентации в организации правового бытия — юридического мира, соразмерного человеку, правоуважительного настроения в общественных отношениях.

Процедура легитимации права разными субъектами включает решение ими для себя ряда непростых вопросов, например, связанных

¹ Дорский А.Ю. Эстетика власти. СПб.: Алетея, 2013. С. 7.

с учетом факторов добровольности или давления на них, произвола в избрании тех или иных оснований для признания права, необходимости подчиниться объективности исторического момента, влияния доксы в соотношении с мерой всеобщего, возможностей самостоятельного доопределения существующего порядка, удовлетворения эффективностью либо критики функционирования структур доминирования и др. Правомочность права подтверждается постоянным явным или латентным его оценением индивидами, а также сообществом в целом и получает свое выражение в результатах самонастройки человеческого сознания на систематическое обращение к нему в качестве инструмента, способного разрешать жизненные проблемы.

Смысл легитимация права рядом ученых видится в «подтверждении и удостоверении условий осуществления справедливости»². Г.В. Мальцев полагал, что легитимность является «категорией, выходящей за пределы юриспруденции», поскольку «признать что-либо легитимным, т.е. долженствующим быть — значит признать соответствие некоего предмета высшим законам и высшим принципам»³. Легитимность права наличествует, отмечал Л.С. Мамут, если внутреннее эмоциональное и интеллектуальное его принятие дополняется соответствующим внешним поведением граждан⁴. И.Л. Честнов считает важным в легитимации выделять когнитивно-оценочный и поведенческий аспекты⁵. А.В. Поляков указывает на эксплицитную (формальную) и имплицитную, т.е. основанную на соответствии закона внутренним, скрытым условиям коммуникации (неформальную), легитимацию права⁶. Профессор Гентского университета Марк ван Хук полагает, что праву, помимо прочего, присуща самолегитимация, демонстрируемая средствами его «циркулярности

и оперативной закрытости»⁷. Б. Мелкевик (Канада) выделяет иннеистический, метафизический и «декларационистский» способы в легитимации прав человека⁸.

Большинство юристов отмечают ведущую роль когнитивных процессов в легитимации права, подчеркивают решающую значимость рационалистически-интеллектуальных структур в психолого-правовых механизмах ее осуществления. Тем не менее, очевидно, что не меньшую роль в ней играет эмоционально-чувственная область человеческого сознания. Л.С. Мамут подчеркивал, что легитимация вообще «протекает преимущественно в сфере эмоций»⁹. Этому же мнению придерживается и Ю.А. Иванченко, полагающий, что «легитимация права не обладает юридическими функциями и не является только правовым процессом»¹⁰. В.В. Денисенко пишет, что поскольку легитимность существует в сознании граждан в виде положительной установки по отношению к праву, то поэтому «легитимация — это прежде всего социально-психологическое явление, имеющее не только практическое, но и эмоционально-чувственное измерение»¹¹.

Понятно, что интеллектуальный и эмоциональный компоненты в человеческом сознании существуют в неразрывном единстве и взаимообусловленности. И все же, разные сферы деятельности людей своей избирательной направленностью воздействуют в большей или меньшей степени либо на рациональную, либо чувственную сферу психики человека. Например, юридическая область, по всей видимости, имеет дело преимущественно с интеллектуально-когнитивными процессами; искусство (которое не отстранено от правовой легитимации) — чувственно-эмоциональными.

⁷ Хук ван М. Право как коммуникация // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1 / Под ред. А.В. Полякова. СПб.: Университетский изд. консорциум «Юрид. книга», 2009. С. 409-411.

⁸ Мелкевик Б. Легитимность и права человека // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию А.В. Полякова: Коллективная монография. В 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 416.

⁹ Мамут Л.С. Легитимация государства // Право и общество в эпоху перемен: Материалы философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца. М.: Институт государства и права РАН, 2008. С. 215.

¹⁰ Иванченко Ю.А. Интерпретации понятия правовой легитимации в юридической теории [Электронный ресурс] // <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=26&art=709> (дата обращения: 14.04.2018).

¹¹ Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 159.

² Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основные положения критической философии права и государства / Пер. с нем. М.: Гнозис, ред.-изд. группа «Логос», 1994. С. 273.

³ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 754.

⁴ Мамут Л.С. Легитимация государства // Право и общество в эпоху перемен: Материалы философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца. М.: Институт государства и права РАН, 2008. С. 224.

⁵ Честнов И.Л. Власть как механизм легитимации права // Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире: Сборник трудов межд. науч. конф. (Воронеж, 02-03.06.2017) / Редколл.: В.В. Денисенко, М.А. Беляев, Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. С. 80.

⁶ Поляков А.В. Что есть право? // Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 165.

Искусство эстетически осваивает правовую реальность, поддерживая, признавая и укрепляя последнюю посредством идейно-художественного воздействия на людей, пробуждает в них чувствительность к нарушениям человекообразности — гармонии и порядка. Искусство, как заметил Ю.Б. Боров, «выступает учебником жизни, который читают даже те, кто не любит учебников»¹². Информация, содержащаяся в произведениях искусства, огромна, она существенно пополняет знания о праве, раскрывает новое в привычном, оттачивает среди более широкого (по сравнению с юриспруденцией) круга населения строй чувств, мыслей, поступков. Она позволяет обмениваться впечатлениями, дает возможность человеку обогатиться и присваивать опыт других людей, делать его элементом своей личности. Искусство открывает способности быстрее и качественнее вырабатывать собственные установки и ценностные реакции по отношению к типологическим правовым ситуациям, сокращая нам собственные «опыты быстротекущей жизни» (А.С. Пушкин). В отличие от юриспруденции искусство способно осваивать труднодоступные для правового рационализма стороны жизни.

Правовые темы, надо сказать, — достаточно частые гости в художественной литературе. Закон и практика его применения, деятельность органов следствия и суда, мотивы и механизмы преступного поведения, порядок исполнения наказаний, справедливость смертной казни, личностные типы юристов — эти и другие юридические явления служили и продолжают служить исходным материалом для значительных художественных обобщений. Тому пример — многие страницы творчества Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, М. Горького, О. Бальзака, В. Гюго, Э. Золя, Г. Мопассана, Ч. Диккенса, Т. Драйзера и других писателей, не говоря уже о море детективной литературы.

В меньшей степени право представлено в изобразительном искусстве. За всю его многовековую историю специалисты насчитывают лишь несколько десятков картин и скульптур, посвященных непосредственно юридической действительности¹³. Живопись (на отдельных произведениях которой будет построено дальнейшее изложение настоящего материала), как визуальное направление и преобразование творческим воображением художника чувства цвета (элементарного и, нужно подчеркнуть,

наиболее популярного эстетического чувства в области искусства) в одно из средств освоения мира, не нуждается, подобно литературе, в переводе на другой язык.

Наиболее последовательными, часто и широко обращавшимися к правовой проблематике были наши передвижники — И.И. Левитан («Владимирка», 1892)¹⁴, И.Е. Репин («Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 г.», 1903), Г.Г. Мясоедов («Земство обедает», 1872), В.Г. Перов («Приезд станового на следствие», 1857), В.Е. Маковский («Крах банка», 1881; «Допрос», 1904), В.И. Суриков («Утро стрелецкой казни», 1881), Д.А. Щербиновский («Комната присяжных поверенных в перерыве судебного заседания», 1896), Н.Я. Ярошенко («Всюду жизнь», 1888) и др. Посвящали юридической тематике свои произведения неискусшенные и простые для понимания, неизвестные авторы русского лубка («Шемякин суд», «Пословица», «Великое зеркало» и др.). Европейские художники с мировым именем прославились благодаря художественным образам, созданным, в том числе, на основе осмысления права, оценки и пропаганды его величественных духовных идей. Например: А. Дюрер («Немезида», 1502), П.-П. Прудон («Правосудие и Божественное возмездие преследующие Преступление», 1808), И. Босх («Семь смертных грехов и Четыре последние вещи», 1475-1480), П. Брейгель-старший («Правосудие», 1559), Ф. Гойя («Трибунал инквизиции», 1812-1819, «Капричос», 1799), В. Гюго (альбом «Юстиция», 1857-1869), Ф. Мазерель (гравюры цикла «Город», 1925), О. Домье (39 литографий с изображением сцен из жизни адвокатов, судей, прокуроров, 1848-1871) и др.

Легитимация права посредством использования средств изобразительного искусства, как показывает история его гипнотического влияния на мысли, нравы, отношения и поступки современников, а равно и потомков, имеет свои особенности. Она осуществляется специфическим эстетическим средством — художественным образом — и протекает в рамках когнитивно-интеллектуальных, эмоционально-чувственных и волевых психологических процедур. Если ограничиться только областью живописи и ролью последней в легитимации права, то о художественном образе можно сказать следующее.

¹² Боров Ю.Б. Эстетика: Учебник. М.: Высшая школа, 2002. С. 154.

¹³ См.: Алексеев А.И. Юридическая действительность в изобразительном искусстве. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 4.

¹⁴ Здесь и далее в целях избежать перегрузки текста приводятся отдельные примеры лишь наиболее известных картин художников на заданную тему. В истории живописи, естественно, имеется несоизмеримо большее количество имен и произведений, создавших галерею эмоционального восприятия и оценки юридической жизни.

1. Художественный образ есть отражение особой остроты зрения¹⁵, некой зоркости художника в видении правовой действительности, того в ней, что другие люди не замечают и что, соответственно, при соприкосновении с образом поражает их воображение, возбуждает эмоции, рождает чувственный отклик. В образе зрители подчас обнаруживают то, на что они раньше не обращали внимание. Переработанные одаренностью и творческой фантазией художника факты правовой реальности, воплощенные в образах, акцентируют позитивную или негативную стороны юридической жизни общества, призывают к осмыслению своего отношения к ним (с чего, собственно, и начинается процесс легитимации права).

Например, с каким восторгом и надеждами на либеральные преобразования в стране была воспринята в просвещенных кругах России Земская реформа 1864 г.¹⁶ Она являла собой, по изначальному замыслу, создание системы местного самоуправления как беспримерного «единения народа и власти». Но вот выставляется картина Г.Г. Мясоедова «Земство обедает». На ней изображены обедающие крестьяне-депутаты — законодатели местного уровня, представляющие в органах самоуправления многомиллионное российское население. «Лапотное земство» расположилось у черного входа присутственного здания. Крестьяне сидят на крыльце или прямо на земле, их трапеза состоит из хлеба с солью, лука и кваса. И еще деталь: окно, перед которым расположились гласные из крестьян, открыто, из него свисает белоснежное полотенце, в комнате виден лакей, готовящий тарелки, бутылки и графины для других депутатов земства, которые не питаются хлебом, луком и квасом¹⁷. Так, очень просто, без особых эффектов, но вполне убедительно выразил художник свое мнение о «пятом колесе в телеге русского государственного управления» и заставил зрителей призадуматься о действительном смысле проведенной правовой реформы.

Рецептивная эстетика (направление в искусстве, сосредоточенное на процессе его восприятия и роли в социальной жизни) позволяет сказать, что художественный образ рождает диалог текста и зрителя, особое взаимодействие жизненного опыта последнего и автора. Между художественным образом

и знаниями публики устанавливается связь, которая возникает в результате сличения его (образа) с правовой реальностью, узнаванием действительного права в условном (в противном случае смысл изображенного останется непонятным и неинтересным, его не смогут прочувствовать). Созданный художником образ как семантический знак должен быть узнан, а его высказывание — понято, интерпретировано и оценено. Поэтому переселяясь в мир художественных отображений, человек получает дополнительные возможности проверки и уточнения той модели права, которая сложилась у него на основе узкой личной практики. Художественный образ расширяет правовой кругозор, понимание роли и реального влияния правового регулятора на жизнь людей, углубляет их собственный правовой опыт.

2. Художественный образ содержит обобщение и заостряет типичное в праве. Он напрямую не адекватен правовой реальности, поскольку в конкретно-чувственной форме раскрывает существенное для всего рода правовых явлений, для чего гиперболизирует изображение. Гегель писал, что в искусстве типичное выражено не во всеобщности, а в своей единичности, «являет не абстрактную сущность, не случайное существование, а явление, в котором через его внешность, его индивидуальность познается субстанциальное»¹⁸. Художественный образ порой отступает от жизненного подобия, во имя более полного отношения к изображаемому явлению автор заостряет, преувеличивает, преуменьшает или даже деформирует изображение правового объекта. Но у таких отступлений всегда есть мера, которая не позволяет разрушить представления о действительности. Художественная правда необязательно похожа на правовую действительность, но глубоко соответствует ее существу, по Хемингуэю, это «нечто действительно правдивое, а иной раз и более правдивое, чем сама правда»¹⁹.

В качестве примера можно привести сложившийся в бытовом представлении типичный образ служителя правосудия, получивший выражение в одной из литографий французского живописца, графика и карикатуриста Оноре Домье (1808-1879). На ней изображен читающий «с какой-то нечистой ехидной радостью» адвокат, который от удовольствия даже «делает ножкой», кокетливо выглядывающей из адвокатской

¹⁵ Подробнее об этом см.: Боров Ю.Б. Эстетика: Учебник. С. 105; Кармин А.С. Культурология. СПб.: Лань, 2003. С. 428.

¹⁶ Положение о губернских и уездных земских учреждениях, вступившее в силу 01.01.1864.

¹⁷ Подробнее см.: Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. 4-е изд. Л.: Художник РСФСР, 1963. С. 23-30; Алексеев А.И. Указ. соч. С. 34-35.

¹⁸ Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 3. М.: Искусство, 1971. С. 384-385.

¹⁹ Хемингуэй Э. Собр. соч. В 4 т. / Под общ. ред. Б. Гриванова, М. Лорие, А. Старцева. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 20.

мантии²⁰. Надпись гласит: «Мэтр Шапотар читает в юридическом журнале похвалу себе, сочиненную им самим».

3. Как замечают многие, искусство часто легитимирует право посредством критики — язвительной критики пороков, пошлости, темных проявлений правовой жизни.

Например, одна из лучших, по мнению специалистов, литографий О. Домье называется «Законодательное чрево». На ней запечатлены депутаты, заседающие в парламенте. Среди них — глубокий старик, который собирается чихнуть, второй с живейшим интересом наблюдает за ним, другие о чем-то задумались, некоторые беседуют, большинство пребывает в состоянии дремотного отупения, иные — безмятежно спят. Художник таким образом сбросил с законодателей личину респектабельности, лишил внешнего лоска и показного величия представителей власти²¹. Изображение XIX столетия мало чем отличается от телевизионной картинке заседающих депутатов сегодняшнего дня.

Другой пример. На одном из офортов «Капричос» Ф. Гойя осудил нравы и «правовую культуру» своих современников, изобразив их присутствующими на приведении в исполнение смертной казни. Лица из толпы агрессивно наслаждаются жестоким зрелищем, сладострастно смакуют жуткие сцены, всматриваются в леденящие кровь детали, нет никого, кто бы сочувственно отнесся к осужденной, едущей на осле и подвергнутой в преддверии смерти наказанием стыдом.

Критика, как известно, есть результат сравнения художником реальности с идеалом, по крайней мере, со своим сложившимся представлением об идеальном, в том числе и идеальном праве. Поэтому можно думать, что создаваемые художественные образы, наряду с критикой, способствуют распространению представлений об идеалах в праве, намечают идеальное в качестве критериев для решения в рамках легитимации вопроса о поддержке или отвержении тех или иных элементов правовой реальности.

Эту тему можно иллюстрировать грандиозной росписью парадных залов (станц) Ватиканского дворца Рафаэля, где образ Юриспруденции раскрыт автором через находящиеся рядом с ней добродетелей — Силы, Мудрости, Меры. Поражает точность молодого художника, далекого от правовой повседневности, в выборе характеристик для раскрытия глубинной сущности права, представлений

о его ценности и значимости для общественной жизни.

4. Эмоциональный отклик на художественный образ — это всегда результат испытанного на себе зрителем сильного воздействия. Если он имеет место, то является своеобразным доказательством для человека того, что правильно, верно, что нужно признать и принять, чем нужно руководствоваться. Благодаря всплеску эмоциональности люди доверяют эстетическому образу, а через него — и мнению создавшего его автора. Позиция художника становится для зрителей авторитетной, подталкивающей к формированию соответствующего отношения к тем или иным правовым явлениям и процессам. Получается, что легитимность и вера людей в истинность изображенного основывается не столько на их знаниях о правовой системе, сколько на способах доказательства, доверия художественному образу, рожденному эмоциональной чувственностью.

5. Эмотивное воздействие созданного в произведении образа заставляет людей волноваться, негодовать, восхищаться, ужасаться, плакать, т.е. напрягает эмоциональные процессы и в такой форме помогает каждому осознать свои неосознанные установки, перевести их с уровня бессознательного в когнитивную сферу.

Далеко не все и не всегда могут выразить словами ощущаемые переживания, поскольку идеи, переходящие из подсознания в сознание, не имеют четкой формализации. Здесь нет логических критериев связки, но, тем не менее, эмоции, идущие из области бессознательного, сигнализируют сознанию о том, насколько полученные от образа впечатления о праве, точны, полны и непротиворечивы. Рожденный подсознанием и отобранный эстетическим чувством образ поступает в сознание, тут он логически выверяется, «просветляется разумом», обрабатывается, т.е. домысливается, обосновывается, связывается с общим культурно-правовым контекстом и обогащается им²². Таким образом, сначала проявляется эстетическое чувство (на уровне интуиции), затем рождается логика (на уровне сознания), которая производит отбор из множества идей и ценностей, заключенных в образе, и далее происходит приращение правосознания, легитимирующее либо нет правовой объект.

6. Художественный образ — это текст и заключенная в нем информация, если она «задевает» зрителя, то дает толчок к истолкованию содержащейся в ней символики и передаче обнаруженного смысла в систему правовых знаний и ориентиров человека. Эмоциональное воздействие художественного образа определяется впечатлением, которое

²⁰ Алексеев А.И. Юридическая действительность в изобразительном искусстве. С. 45-46.

²¹ См.: там же. С. 25.

²² Боров Ю.Б. Эстетика: Учебник. С. 114.

оказывает на зрителя как та информация, которая получается через непосредственное восприятие увиденного, так и та, которая улавливается посредством интерпретации символики образа. Символическое содержание не сводится только к тому, что изображено, оно далеко выходит за рамки видимого на картине.

Например, в работе С. Боттиччели «Аллегория клеветы» (ок. 1495 г.) много условностей и иносказательности. Художник изобразил сидящего на троне судью в короне с ослиными ушами и рядом с ним двух помощниц — Неведение и Подозрительность. Клевета представлена в виде молодой женщины с коварным лицом, рядом с ней мужчина в рваной одежде и с недобрым выражением лица, это спутник Клеветы — Зависть. Две женские фигуры — два людских порока Коварство и Обман, они украшают Клевету цветами²³. Принимая во внимание ослиные уши судьи и помощниц последнего, начинаешь верить в силу черных дел Клеветы.

Понимание символики текста, естественно, требует дополнительных интеллектуальных усилий, которые значительно усиливают эмоциональное впечатление, производимое художественным образом. Поэтому умозаключения в рамках искусства основываются не только на логике, не менее важны здесь побочные, ассоциативные, тайные, неосознаваемые и иные оттенки смысла. Получается, что образ, с одной стороны, непередадим полностью на рациональный язык, потому что при его анализе остается некоторый «сверхсмысловой остаток», с другой — переводим, так как позволяет глубже проникать в суть произведения, полнее и всестороннее выявлять его бесконечный и истинный смысл. Таким образом, проникновение в символику художественного образа представляет собой эстетическую селекцию, нацеленную на передачу зрителю определенной правовой информации и формирование системы его ценностно-правовых ориентаций.

7. Переводя изложенное выше в русло описания психических процессов, определяющих протекание легитимации, нужно отметить, что эмоционально-ценностное отношение к праву и его объектам рождается у человека в процессе субъективно-пристрастного отражения их образов в сознании, причем не самих по себе, не их созерцанием со стороны, а в состоянии как бы включенности зрителя в правовые события и обстоятельства, демонстрируемые в картине. Единственная возможность у художника вызвать у публики переживание фактов, которые на самом деле не происходили в их жизни, — это воздействовать на их воображение, причем

воздействовать так, чтобы они в своем сознании воссоздали их и превратили в эпизоды собственной жизни²⁴. Поэтому рожденный сознанием образ того или иного правового объекта есть по сути своей не столько отражение правовой действительности как таковой, сколько выражение специфического ее восприятия и переживания конкретным субъектом. Образ права, сложившийся в сознании индивида, содержит лишь те сведения, которые отбираются восприятием и запечатлеваются ощущениями, это всего лишь представление о свойствах права, которые, воспринимаются, вспоминаются, мыслятся, воображаются конкретными лицами²⁵. Знания же о праве служат здесь лишь фоном, на котором вырисовываются чувственные переживания, определяющие признание и принятие права. В любом случае психический образ, т.е. идеальная (метафизическая) копия права, выступает той информацией, от которой отталкивается легитимирующее сознание.

Таким образом, в механизме психологического восприятия художественного образа правовых объектов и их последующей легитимации отчетливо проявляются две части: 1) собственно восприятие, т.е. расшифровка знаковой системы и понимание смысла текста (образов, запечатленных на полотне художником); 2) реакция на восприятие, т.е. строй чувств, мыслей, установок поведения, пробужденный в душе реципиента. Этот психологический процесс протекает в глубине бессознательного, предсознания и сознания человека и трудно фиксируется для наблюдения и описания. Он сокровенный, личный, интимный, зависит от ряда так называемых устойчивых факторов человеческой психики (жизненного опыта, установок, культурной подготовки и т.п.), а также временно действующих факторов момента (настроения, психологического состояния и проч.).

Механизм передачи через художественные образы взглядов, представлений, отношений, чувств, установок, рождаемых правовой действительностью, с легкой руки Л.Н. Толстого, стал именоваться «заражением»²⁶. Великий писатель на вопрос о понятии искусства в свое время ответил, что это человеческая деятельность, «состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие

²³ Подробнее см.: Алексеев А.И. Указ. соч. С. 121.

²⁴ Подробнее см.: Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 19.

²⁵ Подробнее см.: Панферов В.Н., Волохонская М.С., Микляева А.В. Общая психология. Теоретические основы. М.: Юрайт, 2016. С. 154.

²⁶ Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Собр. соч. Т.15. М.: Художественная литература, 1983. С. 87.

люди заражаются этими чувствами и переживают их»²⁷. Эмоциональное давление тех чувств, которые появились в результате заражения от увиденного, открывает путь для осмысления, оценки и воплощения своего отношения к правовым явлениям, их поддержки, т.е. легитимации, или неприятия.

Таковы ресурсы, приемы и методы художественного образа и этапы психологического процесса, которые обуславливают протекание легитимации права (или его элементов), рассмотренные с позиции эстетического подхода.

Однако нельзя не остановиться и на тех недостатках, которые сказываются на легитимации права, если последняя осуществляется средствами эстетики, в частности, средствами живописного искусства. Конечно, узок круг людей, которые обращаются к изобразительному творчеству и в состоянии понять язык последнего, это, скорее всего, будет небольшой круг интеллектуалов, воспитанных на высоких канонах творчества. Сказывается юридический непрофессионализм художников, которые чаще всего работают лишь на уровне нравственно-моральных или религиозных обоснований права. Сами правила живописи не всегда располагают соответствующими инструментами и приемами, чтобы передать весь драматизм, коллизии, кипение страстей и человеческих переживаний, которые укрыты в правовой жизни за рамками строгих сроков и процессуальных форм. Трудны для художественного воплощения многие абстрактные смыслы права, а также его закрытость, специфический язык, всё усложняющаяся сфера применения, о чем, например, доказательно пишет В.В. Денисенко во многих своих публикациях²⁸. Видимо, какие-то элементы права просто скучны для создания зрительных образов, рутинны и не зрелищны, не дают пищи для ярких художественных обобщений, например, законотворчество, заключение сделок. Еще один говорящий сам за себя момент, на который указывает А.И. Алексеев²⁹: есть ряд художников, получивших в свое время юридическое образование (М.А. Врубель, И.Э. Грабарь, А.Н. Бенуа, И.Я. Билибин, М.В. Добужинский,

В.В. Кандинский, А. Матисс, Э. Дега, П. Бонар, П. Сезанн), которые практически никогда напрямую не обращались в своем творчестве к правовой тематике. Видимо, они подспудно чувствовали свою некомпетентность (?) либо презирали (?) формализм и прямолинейную логику правовой системы.

В заключение возможен следующий вывод: процедура легитимации права эстетическими средствами, будучи по своему существу и содержанию не столько правовым, сколько социально-психологическим явлением, делает ставку главным образом на эмоционально-чувственный компонент человеческого сознания. Другие же формы легитимации активизируют и опираются преимущественно на когнитивно-интеллектуальные механизмы. Но от этого, как представляется, правовоспитывающее воздействие искусства и его участие в легитимации права не является, по сравнению с другими (в том числе и юридическими) формами, менее эффективными.

Список литературы

1. Алексеев А.И. Юридическая действительность в изобразительном искусстве. М.: Юрлитинформ, 2007. 128 с.
2. Боров Ю.Б. Эстетика: Учебник. М.: Высшая школа, 2002. 511 с.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 240 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 3. М.: Искусство, 1971. 623 с.
5. Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.
6. Денисенко В.В. Легитимность права и принцип формального равенства // Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / Под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 127-146.
7. Дорский А.Ю. Эстетика власти. СПб.: Алетея, 2013. 296 с.
8. Иванченко Ю.А. Интерпретации понятия правовой легитимации в юридической теории [Электронный ресурс] // <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=26&art=709> (дата обращения: 14.04.2018).
9. Кармин А.С. Культурология. СПб.: Лань, 2003. 928 с.
10. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
11. Мамут Л.С. Легитимация государства // Право и общество в эпоху перемен: Материалы философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца. М.: Институт государства и права РАН, 2008. С. 212-226.
12. Мелкевик Б. Легитимность и права человека // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию А.В. Полякова:

²⁷ Там же.

²⁸ В.В. Денисенко пишет: «...В современных постиндустриальных обществах право довольно сильно усложнилось и, безусловно, требует наличия профессионального аппарата, но чрезмерная закрытость правовой сферы жизни и юридического сообщества приводят к отрицательным последствиям для легитимности права» (Денисенко В.В. Легитимность права и принцип формального равенства // Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 134-135).

²⁹ Алексеев А.И. Указ. соч. С. 5.

- Коллективная монография. В 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 40-53.
13. Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. 4-е изд. Л.: Художник РСФСР, 1963. С. 23-30.
 14. Панферов В.Н., Волохонская М.С., Микляева А.В. Общая психология. Теоретические основы. М.: Юрайт, 2016. 296 с.
 15. Поляков А.В. Что есть право? // Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 156-170.
 16. Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Собр. соч. Т. 15. М.: Художественная литература, 1983. С. 41-221.
 17. Хемингуэй Э. Собр. соч. В 4 т. / Под общ. ред. Б. Грибанова, М. Лорие, А. Старцева. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. 671 с.
 18. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основы положения критической философии права и государства / Пер. с нем. М.: Гнозис, ред.-изд. группа «Логос», 1994. 328 с.
 19. Хук ван М. Право как коммуникация // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1 / Под ред. А.В. Полякова. СПб.: Университетский изд. консорциум «Юрид. книга», 2009. С. 376-432.
 20. Честнов И.Л. Власть как механизм легитимации права // Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире: Сборник трудов межд. науч. конф. (Воронеж, 02-03.06.2017) / Ред.-колл. В.В. Денисенко, М.А. Беляев. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. С. 79-85.

Legitimation of Law by Aesthetic Means

Glukhareva L. I.,

Doctor of Law, Associated Professor
Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law,
Russian State University for the Humanities (RSUH)
E-mail: 2506646@mail.ru

Abstract. *The article deals with procedure of law legitimation made by esthetic means, including such field of art as painting. Law legitimation is deemed as justification, substantiation and approval of law. It is argued that esthetic legitimation of law is conceivable as the law being deemed as behavior regulator bears the external form. Esthetic valuations from the point of view of manifestation beauty or moral turpitude is applicable to any objects endowed with physical form. Art can legitimate the law due to mechanisms of forming of «approving consciousness», as well as clearance (cathartic) function. It is affirmed in the article that the main mean of esthetic legitimation of law is word picture having some special qualities which are significant in the context of the problem under study. Some characteristics and qualities of word picture are listed in the article; such characteristics and qualities are illustrated by references to pictures and lithography of the best-known painters. Psychologic process of law legitimation is provided by scheme accenting following steps of word picture influence on human unconscious mind, preconsciousness and consciousness: impression — affection of imagination — emotional experience — formation of emotion response. Such mechanism of delivery of artists' views, ideas, attitudes, senses towards legal reality to viewers thanks to L.N. Tolstoy's ability is termed «contagion». Some problems of esthetic legitimation of law are further indicated. In conclusion it is resolved that procedure of law legitimation by esthetic means counts mainly on emotion and sense component of human consciousness whilst other forms of legitimation (for example, legal legitimation) primary activate cognitive and intellectual mechanisms.*

Keywords: *law legitimation, esthetic means of law legitimation, «approving consciousness», cathartic function, word picture, psychologic process of law legitimation, impression, imagination, emotional experience, emotional response, emotion and sense, cognitive and intellectual mechanisms of legitimation.*

References

1. Alekseev A.I. Yuridicheskaya deystvitelnost v izobrazitelnom iskusstve. M.: Yurlitinform, 2007. 128 s.
2. Borev U.B. Estetika: Uchebnik. M.: Vysshaya shkola, 2002. 511 s.
3. Vasilyuk F.E. Psichologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsij). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 240 s.
4. Gegel G.V.F. Estetika. V 4 t. T. 3. M.: Iskustvo, 1971. 623 s.
5. Denisenko V.V. Legitimnost kak kharakteristika suschnosti prava. Vvedeniye v teoriyu: monografiya. M.: Yurlitinform, 2014. 184 s.
6. Denisenko V.V. Legitimnost prava i printsip formalnogo ravenstva // Printsip formalnogo ravenstva i vzaimnoye priznaniye prava: kollektivnaya monografiya / Pod. obsch. red. V.V. Lapaevoj, A.V. Polyakova, V.V. Denisenko. M.: Prospekt, 2016. S. 127-146.
7. Dorskij A.Y. Estetika vlasti. SPb.: Aletya, 2013. 296 s.

8. Ivanchenko Yu.A. Interpretatsiya ponyatiya pravovoj legitimatsii v yuridicheskoy teorii // <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=26&art=709> (data obrascheniya 14.04.2018).
9. Karmin A.S. Kulturologiya. SPb.: Lan, 2003. 928 s.
10. Maltsev G.V. Sotsialniye osnovaniya prava. M., Norma, 2007. 800 s.
11. Mamut L.S. Legitimatsiya gosudarstva // Pravo i obshestvo v epokhu peremen: Materialy filosofsko-pravovykh chtemij pamyati akad. V.S. Nersesyantsa. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2008. S. 212-226.
12. Melkevik B. Legitimnost i prava cheloveka // Kommunikativnaya teoriya prava i sovremenniyemye problemy yurisprudentsii: K 60-letiyu A.V. Polyakova: Kollektivnaya monografiya. V 2 t. T. 2. Aktualniye problemy filosofii prava i yuridicheskoy nauki v svyazi s kommunikativnoy teoriey prava / Pod. red. M.V. Antonova, I.L. Chestnova. SPb.: Alef-Press, 2014. S. 40-53.
13. Minchenkov Ya.D. Vospominaniya o peredvizhnikakh. 4-e izd. L.: Khudozhnik RSFSR, 1963. S. 23-30.
14. Panferov V.N., Volokhonskaya M.S., Miklyaeva A.V. Obschaya psikhologiya. Teoreticheskiye osnovy. M.: Yurajt, 2016. 296 s.
15. Polyakov A.V. Chto est pravo? // Kommunikativnoye pravoponimaniye: Izbranniye Trudy. SPb.: Alef-Press, 2014. S. 156-170.
16. Tolstoj L.N. Chto takoye iskusstvo? // Sobr. soch. T. 15. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983. S. 41-221.
17. Hkeminguej E. Sobr. soch. V 4 t. / Pod. obsch. red. B. Gribanova, M. Loriye, A. Startseva. T. 1. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1981. 671 s.
18. Kheffe O. Politika. Pravo. Spravedlivost. Osnovopolozheniya kriticheskoy filosofii prava i gosudarstva / Per. s nem. M.: Gnozis, red.-izd. gruppa "Logos", 1994. 328 s.
19. Khuk van M. Pravo kak kommunikatsiya // Rossijskij ezhegodnik teorii prava. 2008. № 1 / Pod. red. A.V. Polyakova. SPb.: Universitetskij izd. konsortsium "Yurid. kniga", 2009. S. 376-432.
20. Chestnov I.L. Vlast kak mekhanizm legitimatsii prava // Pravo i vlast: osnovniye modeli vzaimodejstviya v mnogopolyarnom mire: Sbornik trudov mezhd. nauch. konf. (Voronezh, 02-03.06.2017) / Redkoll. V.V. Denisenko, M.A. Belyaev. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2017. S. 79-85.

